

уваженіе въ К\*\*\*, вдругъ убѣдились, что мы неспособны къ дѣлу, дававшему намъ независимый кусокъ хлѣба, и сами—замѣтите, сами—уволили себя отъ профессорской кафедры, съ ничтожной пенсіей, которой едва хватаетъ намъ здѣсь на сахаръ и чай. Но за существенное (она насмѣшливо подчеркнула слово), которое мы рекомендуемъ имѣть въ виду, не смущаясь мелкими треніями, мы сами тутъ не взялись.... Куда намъ! Намъ всякая непріятность разстраиваетъ до такой степени, что мы готовы все бросить на произволъ судьбы и отказаться отъ самыхъ безспорныхъ правъ, чтобъ только намъ дали покой. И мы простодушны, не знаемъ людей, — намъ всякій безграмотный красноречивый приказчикъ увѣрить, въ чемъ хочетъ.

Диверсія оказалась такъ неудачна, что я ужъ терялъ надежду найти въ этомъ домѣ какой-нибудь безобидный предметъ разговора. Къ счастью поданъ былъ самоваръ, и мы перешли въ столовую, гдѣ хозяйственные заботы нѣсколько развлекали Ларису Дмитріевну. Было ужъ поздно и къ чаю скоро присоединились сыръ, ветчина, котлеты, вино; меня угощали по-русски всѣмъ, что возможно было подать на столъ. Хозяева, были однако, такъ заняты обязанностями гостепріимства или такъ сыты, что сами едва отвѣдали кой-чего и компанію мнѣ серьезно держалъ только одинъ Неплѣскинъ, да и тотъ долго сидѣлъ поодаль, съ какимъ-то тоскливо сдержаннымъ видомъ поглядывая на ветчину. Какъ оказалось потомъ, бѣдняга ждалъ приглашенія; но отъ хозяйки этого мудрено было ожидать, ибо она держала себя, словно не замѣчаетъ его присутствія.

— Иванъ Герасимовичъ, ветчинки? — сказалъ наконецъ Горностаевъ робко и не глядя на жену.

— Не откажусь, — отвѣчалъ философъ, стыдливо потупя взоръ.

Это было въ первый разъ, что я услыхалъ его голосъ въ присутствіи очевидно враждебной ему Горностаевой; но Петръ Ивановичъ, не дожидая отвѣта, уже отрѣзалъ ему кусокъ. За ветчиною, тѣмъ же порядкомъ, послѣдовали котлеты. — Иванъ Герасимовичъ, винца? — и такъ далѣе. Неплѣскинъ ни отъ чего не отказывался.

Немедленно послѣ ужина, меня проводили въ комнату, для меня приготовленную.

— Петръ Ивановичъ! — позвала Горностаева, и провожавшій меня хозяинъ поспѣшно выбѣжалъ въ корридоръ. Сквозь полуоткрытыя двери слышенъ былъ ея раздраженный шопотъ. По тону отвѣтовъ не трудно было понять, что мужъ умолялъ ее го-